

Главный зал храма, где когда-то проводились священные обряды, теперь явно превратился в место скопления туристов. Если войти внутрь и свернуть направо, то можно пройти по длинному коридору — именно там находятся небольшие боковые залы, закрытые для публики. На большинстве дверей висят таблички «Комната отдыха персонала» и «Туристам вход запрещён».

634-й Верховный архиепископ Храма, господин Чарльз Гуд, в этом году уже отпраздновал своё 76-летие, но по-прежнему обожал фотографироваться с людьми — вот почему каждый раз, когда он возвращался, то специально выбирал время, когда в Храме особенно много туристов, и с явным удовольствием пробирался сквозь толпу под визги изумления и громкие крики экскурсоводов

Путь через главный зал занимал всего десять минут, но мистер Гуд преодолевал его за два часа, играя роль своеобразного «талисмана» Диснея. С широкой дружелюбной улыбкой на лице и гордо выпяченным пивным животом, он с радостью позировал для фото, ставил автографы и ни разу никому не отказал.

Но в этот день он, что случалось крайне редко, шёл быстро и воспользовался служебным проходом менее показным образом.

С момента создания защитного барьера прошло уже 1200 лет и за всё это время ни один дифу уровня «демон» не пересекал границу. Ни он, ни его предшественник, ни предшественник его предшественника, да и вообще никто из множества поколений архиепископов, никогда не сталкивался с подобной бедой.

Остатки волос мистера Гуда, и без того немногочисленные, выпадали с катастрофической скоростью.

— Архиепископ прибыл! — кто-то крикнул, и все поспешно расступились, освобождая проход.

Архиепископ Гуд с серьёзным лицом склонился над койкой, где Кельсон лежал под капельницей и получал переливание крови:

— Как он? — спросил он.

— Жизни больше ничего не угрожает, — доложила Эйми. — Но он все еще очень слаб. После того как закончится переливание, я проведу ещё один осмотр. С его физическим состоянием, скорее всего, он придёт в сознание в течение трёх дней.

Мистер Гуд кивнул. Затем его дряхлые пальцы сложились в сложный магический жест, и он, тихо бормоча заклинание, лёгким движением коснулся лба Кельсона. Лицо бедняги, до этого бледное и осунувшееся, как будто сразу расслабилось — это было благословение Архиепископа.

Говорили, в молодости Архиепископ Чарльз был весьма выдающимся целителем.

Он нежно провёл ладонью по лбу Кельсона, вздохнул, а затем спросил:

— Значок вернули?

— У меня. — Гаэр достал из кармана носовой платок, развернул его и показал окровавленный значок внутри.

— Гаэр, — Архиепископ принял значок, посмотрел на него и снова тяжело вздохнул. — Прости, ребёнок. Похоже, с твоим отпуском придётся повременить.

Гаэр пожал плечами. С тех пор, как он окончил Академию при Храме, отпуск для него всегда был понятием довольно зыбким.

Мистер Гуд осторожно стер кровь с поверхности значка. Будто откликнувшись на прикосновение, тот засветился мягким, ровным светом у него на ладони.

— Посмотрим, через что тебе пришлось пройти... Проявись.

У каждого охотника есть такой значок. В случае опасности он передаёт сигнал тревоги другим, указывает местоположение владельца и даже может записать последние образы встреченного дифу, словно чёрный ящик¹ в самолёте. Только в этом случае его носили охотники, которые постоянно рисковали «разбиться».

1. "Черный ящик" в самолете - это бортовой самописец, который записывает важные параметры полета, внутренних показателей, функционирования систем и разговоры в кабине пилотов и предназначен для анализа причин аварий и инцидентов.

По команде мистера Гуда значок мгновенно покрылся густым белым туманом, таким плотным, что напоминал смог времён промышленной революции столетия назад. Из глубины тумана донеслось тяжёлое, жадное дыхание неведомого зверя, будто в этой мгле скрывались десятки алчных глаз, высунувших языки и пристально следивших за своей добычей. Хотя это была всего лишь запись скрытая в значке, но таящаяся в ней угроза заставила всех охотников в комнате невольно напрячься.

Это была интуиция, выработанная годами смертельно опасных заданий.

Затем в белом тумане мелькнули несколько серых теней, и внезапно раздался мучительный крик мужчины. Рука Эйми задрожала:

— Это Кельсон...

На туман легла алая пелена крови и всё изображение исчезло.

— Рулдан, — мрачно вздохнул мистер Гуд, — Шакал Бездны — легендарное чудовище демонического уровня, пожирающее разум. Питается человеческими чувствами, особенно завистью. Отрицательные эмоции делают его невероятно сильным.

Эйми побледнела:

— Так много...

— Нет, только один, — Гаэр разглядел всё чуть чётче. — Шакал Бездны чрезвычайно быстр, умеет скрываться и может убить одним ударом. Архиепископ, какое задание выполнял Кельсон? Почему на него напал шакал?

— Идём со мной, — сказал господин Гуд, бросив взгляд на Кельсона. Он наклонился, чтобы осмотреть рану на груди пострадавшего, и кивнул Эйми: — Ты всё сделала правильно и спасла ему жизнь.

Эйми немного опешила. Архиепископ вместе с охотниками и наставниками уже вышел из комнаты, а она вернулась к регулировке капельницы, подававшей Кельсону лекарство и кровь:

— Это не моя заслуга, — пробормотала она, пожав плечами.

В голове у неё всплыл образ таинственного мужчины, проживавшего у Гаэра.

Охотник, досконально знающий Канон... Такое бывает крайне редко.

В офисе мистера Гуда уже кто-то находился — мужчина средних лет с глубоко выраженными носогубными складками. Возможно, из-за привычки хмуриться у него между бровей пролегла заметная морщина. Он был очень худ, кожа на его лице почти прилипла к скулам, а пальцы напоминали засохшие ветки.

Кто-то воскликнул:

— Мистер Скаллер!

Мистер Скаллер был нынешним Жрецом-Меченосцем, хотя его уже давно никто не видел. Говорили, что он тяжело болен и всё это время находится в больнице... И выглядел он действительно так, будто от него остался один скелет. Архиепископ крепко обнял старого товарища, который, казалось, уже одной ногой стоял в могиле. Его появление несколько не удивило его.

— Луи, — сказал мистер Гуд, — помоги ему.

Луи молча подошёл и поддержал почти невесомое тело господина Скаллера. Он заметил, что мрачный жрец облачён в полный ритуальный наряд и даже носит с собой тяжёлый меч, символизирующий его статус. Это была древняя реликвия, и даже не учитывая её веса, одной ржавчины внутри хватило бы, чтобы свалить беднягу с ног.

Но никто не имел права нести этот меч за него. Так же, как никто не может держать посох архиепископа. Он был воплощением власти Жреца.

Скаллер кивнул Луи и, опираясь на него, медленно прошёл в кабинет мистера Гуда и с трудом опустился в кресло.

— Барьер ослаб, — это были первые слова Жреца после того, как он сел. Они повергли всех присутствующих в гробовую тишину.

Господин Гуд откинулся в кресле, переплёл пальцы перед собой на столе и немного помолчал, прежде чем спросить:

— Починить его никак нельзя?

Скаллер покачал головой:

— Я посвятил этому всю жизнь, но так и не смог понять, на какой энергии архиепископ Альдо удерживал барьер. Прости меня.

Мистер Гуд тяжело вздохнул:

— Это не твоя вина, старый друг. Ты сделал всё, что мог.

В глазах Скаллера, обычно тусклых и отрешённых, мелькнула тень эмоций. Ему казалось, будто в его теле открылось отверстие и жизненная сила, как вода из ванной, уходит в тёмный слив на полу, в другой мир.

— Как барьер мог ослабнуть? — спросила женщина с чёрными волосами и несколько андрогинной внешностью. Её звали Мишель Лукреция. Раньше она была охотницей, но после рождения ребёнка в прошлом году вернулась в Храм в качестве инструктора по рукопашному бою.

— Барьер не всесилен, — сказал Скаллер, выглядя крайне измождённым. — Он, как и человек, стареет, зубы шатаются, болезни по всему телу... и в конце концов приходит смерть.

— Не думал, что это случится в мою смену, — с горькой улыбкой пробормотал Чарльз Гуд.

— Да, жаль, что я не смогу пройти этот путь с тобой до конца. — Тяжёлый меч Скаллера с глухим звоном опустился на пол. — Десять лет назад во время землетрясения мы впервые заметили признаки ослабления барьера. Мы скрывали эту информацию, надеясь найти способ его починить. Но не нашли. Появление демонического уровня Дифу - это сигнал. Барьер, что защищал нас больше тысячи лет, исчезает. И исчезает куда быстрее, чем расширяется озоновая дыра.

В комнате повисла мёртвая тишина, что можно было услышать, как игла падает на пол. Спустя долгое молчание Мишель наконец заговорила:

— И что... нам теперь делать?

Мистер Гуд взглянул на Скаллера. Измождённый мужчина достал из кармана новый значок.

— Во-первых, мы должны отозвать всех охотников. С сегодняшнего дня каждый получает новый значок. Он улучшен и обладает определёнными защитными свойствами.

Во-вторых, все действия теперь координируются исключительно Храмом. Каждое задание выполняется только в составе группы. Эпоха одиночных операций закончилась. Надеюсь, вы как можно быстрее привыкнете к своим напарникам. Кроме охотников с Золотым значком, всем остальным строго запрещено работать в одиночку.

В-третьих, с этого момента меняется всё учебное направление в Храме. Будет создана новая система аттестации. Кто не пройдёт оценку не будет допущен к стажировке.

И в-четвёртых, будут созданы специальные группы по оснащению и набору. Нам нужно больше экипировки. И гораздо больше свежей крови.

— В пятых... — голос Скаллера на мгновение прервался. Он с трудом поднялся с кресла, отказавшись от помощи Луи. Его спина по-прежнему оставалась прямой. — Луи Мегерт

Луи с недоумением посмотрел на него:

— Сэр?

— Встань на колени. — спокойно, но твёрдо приказал Жрец-Меченосец.

В тот момент все поняли, что происходит. Этот грозный инструктор распахнул глаза и с неверием уставился на Скаллера:

— Сэр, это не...

— На колени, — повторил Скаллер, уже громче. Его щеки напряглись так сильно, что сквозь обтянутую кожу были видны ослабевшие мышцы под ней.

Луи посмотрел на Архиепископа Чарльза, и тот молча кивнул ему. Тогда Луи медленно опустился на одно колено.

— Я, Арлин Брэд Фарах Скаллер, пятьсот девяносто шестой Жрец-Меченосец Храма, прослуживший двенадцать лет... сейчас стою на пороге смерти. — В кабинете архиепископа воцарилась гробовая тишина, никто не осмеливался дышать. Скаллер сделал паузу, затем поднял обеими руками тяжёлый меч жреца и протянул его Луи. — Итак... Луи Мегерт, ты готов принять это наследие — тяжесть меча — и возложить на себя обязанность защищать Храм?

Луи поднял глаза, и их взгляды встретились. Взгляд Скаллера был глубоким, как две бездонные колодца.

— Я... — прохрипел Луи, пересохшим горлом сглотнув, — да, я готов.

Он стоял на коленях и обеими руками принял в ладони тяжёлый меч. От напряжения на тыльной стороне его рук выступили вены.

Скаллер похлопал его по плечу и сказал архиепископу:

— Официальную церемонию передачи давайте назначим на следующую неделю.

— Луи, — на его лице внезапно появилась улыбка, сделавшая суровое лицо неожиданно мягким, — дитя моё, ты талантливее меня, ты усерднее меня... и, что самое главное, ты моложе. Поверь, ты сможешь достойно нести этот меч.

Луи ошеломлённо смотрел на него, не зная, что сказать.

Скаллер тяжело вздохнул и вновь опустился на своё место, его фигура излучала усталость закатного дня.

— По моим расчётам, до полного разрушения барьера осталось не более тридцати лет.

Эти слова вызвали шёпот и лёгкое волнение, Архиепископ Чарльз на мгновение закрыл глаза, и внезапно почувствовал, что сильно постарел.

В этот момент снаружи раздался голос. Мужчина тихо произнёс:

— Нет. «Ядро» уже начало трескаться. Думаю, времени осталось не больше десяти лет.

Голос был невероятно тихим, будто он шептал прямо на ухо, но все присутствующие отчётливо услышали каждое слово.

Все обернулись. В дверях стоял молодой человек, закутанный с ног до головы в ослепительно белую мантию. У него были золотистые, слегка вьющиеся волосы, ниспадавшие на плечи, и в комнатном свете они казались почти сияющими. В ворот рубашки была воткнута свежая, благоухающая роза, на лепестках которой, казалось, вот-вот скатится капля утренней росы.

Светло-серые глаза мужчины скользнули по лицам всех в комнате, задержавшись на мгновение на Гаэре, а затем остановились на архиепископе Чарльзе.

В ту же секунду шумный до этого кабинет архиепископа затих так, что можно было услышать биение своего сердца.

Прошло несколько секунд, прежде чем кто-то осмелился прошептать:

— Боже... Боже мой! Архиепископ Альдо! Статуя... статуя ожила!

<http://bllate.org/book/14761/1317196>